

НОВОЕ
РУССКОЕ
СЛОВО

ОГНИ КАМЫ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ВЕРДИКТ

НАШ ТЕМП

Тучевские
ВЕСТИ

@ 10106
norsk.p.n. РАДИО РОСТОВА

МУАМИ
Народ мой

НОВАЯ ПОСТОВОЙСКАЯ ГАЗЕТА

НОВОЕ ДЕЛО
NVJ

ОБЩЕСТВЕННАЯ
ЭКСПЕРТИЗА

RUSSIAN
PEN

ENERGY 99.1

КОМПАС

СПОРТ-АЛЬЯНС

ПЕНЗЕНСКАЯ ПРАВДА

ПАПНИЦА

РАДАР

пармаНовости

мАЯК

ПСКОВСКАЯ
ГУБЕРНИЯ

Парма

Провинциальный
Репортер

Концлагерь с коммерческим уклоном

Специальный репортаж

Короткая предыстория. В редакцию принесли коллективные жалобы 90 семей, проживающих в нескольких селениях Веденского района Чечни — Махкеты, Товзени, Сельментаузен, Хоттун. Текст был бес-президентен — несколько сотен человек умоляли содействовать их скорейшему перевозу куда угодно в Россию, но за пределы Чечни. Причины: постоянный голод, нестерпимый холод, полная оторванность от жизни, отсутствие врачей, какой-либо связи с миром. И особой статей — жестокие карательные набеги, совершаемые на эти населенные пункты силами военнослужащих, расквартированных на окраине селения Хоттун. Факты казались столь фантастическими, сколь и вопиющими. Значит, надо было ехать прове-рять. Командировка началась 18 февраля.

А дальше — вся история, как ни подступилась, упорно распадается на клочки. С одной стороны, де-сятки жутких рассказов, измученные лица людей, испытывавших на себе пытки и изощренные измыватель-ства военных, когда от ужаса того, что тебе надо записывать, останавливается рука, фиксирующая все в блокноте... И вдруг — совершенно отдельно, сторонним вроде бы осколком большой мозаики — те же самые рассказы, но только наяву, не в передаче. И уже с тобой. Ожившие картинки в доказатель-ство услышанного. И это уже тебе орут: «Стоять! Вперед!». И фазбэшник в сплывом возрасте старше-го лейтенанта уже тебе, а не твоему недавнему рассказчику, улыбаясь гадливым ртом своих профессио-нальных предков из 37-го года, шепчет всякую дрянь и мерзость: «Боевника... Ты пришла от Басаева... Расстрелять тебя мало... Слишком много моргаешь, значит, врешь...».

КАРТИНКА ПЕРВАЯ. ПЫТКИ ТОКОМ

Розита из селения Товзени еле шевелит губами, глаза ее, как бы преодолев естественное предназна-чение, остановились и глядят куда-то внутрь. Розите пока трудно ходить — болят ноги и почки. Месяц назад Розите пришлось пройти через фильтрационный ла-герь — она так это называет. За то, что «приютила в доме боевиков». Именно так ей кричали военные.

Розите уже немало лет. У нее много детей и не-сколько внуков. Младшая, трехлетняя, ранее не гово-рившая по-русски, но видевшая, как зверски задержа-вали ее бабушку, теперь постоянно кричит слова: «Ло-жись! На пол!».

Розиту забрали из дома на рассвете, когда все спали, — «тепелюкой», полностью окружив дом и не дав толком собраться. И бросили в яму, устроенную на тер-ритории военной части на окраине селения Хоттун.

— Толкали? Пинали?

— Да, как обычно у нас. Добрались... Поджав ноги, Розита просидела в яме на зем-ляном полу 12 суток. Солдат, который охранял яму, как-то ночью сжалился — бросил кусок паласа.

— Я подложила под себя. Солдат — он же чело-век, — шевелит губами Розита. «Ее» яма была неглубо-кая. Метр двадцать, не больше. И оказалась устроена таким образом, что вроде ты на свежем горном зимнем воздухе: над тобой нет никакой крыши и круглосуточно очень холодно. Но вроде бы ты и не можешь распря-миться: сверху положены массивные бревна, головой их не сдвинуть. Так что 12 суток — на короточках или сидя на том паласе.

Розита так и не узнала, кого она «приютила». Ей так и не предъявили никакого обвинения, хотя трижды водили на допросы. Молодые офицеры, годящиеся ей в сыновья и представившиеся сотрудниками ФСБ, на-

девали Розите «детские варежки на резинке». Это зна-чит: на пальцы одной руки — один конец оголенных проводов, на пальцы другой — их другой конец. А сами провода — через шею, сзади.

— Да, я очень кричала. Признаюсь. Больно было, когда ток пускали. А все остальное вытерпела молча. Боялась еще больше их раздражить.

Фазбэшники приговаривали: «Плохо ты танцу-ешь. Подбавить бы надо». И подбавляли, именуя «танцами» конвульсии Розитиного тела. А Розита кри-чала все сильнее.

— А что они хотели, пытая? Вам понятно?

— Нет. Они ничего конкретного не спрашивали.

Тем временем родственники Розиты через по-средников получили от тех же офицеров задание: ис-кать деньги на выкуп. Им объяснили: надо спешить — Розита плохо переносит яму, может не выдержать. Сначала военные запросили сумму, о которой сельча-не (деньги на выкуп тут теперь принято собирать всем миром) сказали так: даже если продать все село, все равно не расплатиться. Военные, на удивление, оказа-лись сговорчивыми и снизили сумму в десяток раз. Спустя какое-то время деньги привезли, и Розита, еле переставляя ноги, грязная и немая, вышла на свобо-ду, к полковому КП.

Так что же, выходит, она — бабушка Розита из Товзени? Боевника? Если нет, то зачем держали? Если же да, то почему отпустили? Много вопросов. И са-мое время провести первую промежуточную черту: на территории военной части, расположенной на окраине селения Хоттун Веденского района, где ныне дисло-цируются 45-й воздушно-десантный и 119-й парашют-но-десантный полки Министерства обороны, а также — в одном фланке — подразделения МВД, Минюста и ФСБ, существует настоящий концентрационный лагерь с коммерческим уклоном.

КАРТИНКА ВТОРАЯ. ВОСПИТАТЕЛЬ ХРЮШЕК

Командир 45-го полка — очень интересный и воле-вой человек. Полковник прошел Афганистан и Чечню. Он костерит войну, думает вслух о своих детях, вечно расту-щих безотцовщицей, и готов закончить «вторую чечен-скую» сразу, с ходу, как можно быстрее — она ему надое-ла нешуточно. Его позиция: пусть как можно быстрее за-работают гражданские власти — и мы уйдем. Ну а пока в конце февраля, накануне Дня защитника Отечества, мы гуляем по полку. Командир показывает столовую — впол-не симпатичную для полевых условий. Ведет на склад, забитый тушенкой и всякой прочей снедью, что, по его мнению, полностью исключает стремление вверенных ему военнослужащих воровать у жителей скот.

Так и добираемся до квинтэссенции — командир показывает ямы, куда после «зачистки» швыряют чече-цев. Полковник заботлив: он придерживает под локоток, чтоб не свалилась по грязи на шестиметровую глубину. Яма выглядит точно так, как ее описывали многочисленные сидевшие в ней люди. Где-то 3 на 3 метра, в неразличимую преисподнюю висят веревка — по ней положено выбираться на допросы. Несмотря на мороз, от ямы несет специфически. Тут так заведено: чеченцы должны опраться себе под ноги. И продолжать круг-лосуточно стоять на той же земле. Хочешь — сидеть.

Такое впечатление, что командиру очень неловко за все происходящее, и он рассказывает удивитель-ные вещи: как-то прилетел в полк на проверку сам ко-мандующий группировкой генерал Баранов, увидел держать их в ямах, первоначально вырытых под быто-вой мусор. С тех пор так и повелось. Полковник иск-ренне говорит:

— Но ведь мы туда только боевиков сажаем. Не просто же людей...

— А зачем тогда выпускаете? Уголовные дела не доводите до логического завершения?

Эти вопросы повисают в атмосфере. Как и тот, главный, уже превратившийся в риторический: а почему вы, господа хорошие, наша армия, спецназ, спецпод-разделения, СОБРы, РОВДы, ВОВДы и все прочие, рас-тыканные по Чечне, так и не изловили Басаева, Хаттаба и прочую гвардию? И лишь довольствуетесь их «Хамме-рами» и «Шероу»? У полковника нет слов, кроме:

— Ты же сама все понимаешь...

Иса так и не оправился от шока — это заметно. Как и Розиту, потом его отпустили — тоже за выкуп, который собирал весь Сельментаузен. Но сначала вы-полнить пожелания еще и над родственниками, собрав-шимися у КП полка, чтобы выносить судьбу своих, увезенных в яму. Конвейер мародерства и рackets под маркой «выявления бандитов» — бесперебойный. И, значит, пора подводить следующую промежуточную черту: вторая война в Чечне поменяла лишь вектор творимых тут преступлений.

Но, против чего была объявлена «контртеррорис-тическая операция», — оголтелое злопыхательство, раб-ство и выкупы за живой товар — все это теперь дела-ют нынешние хозяева положения, военные, силой ору-жия, физического и психического насилия.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

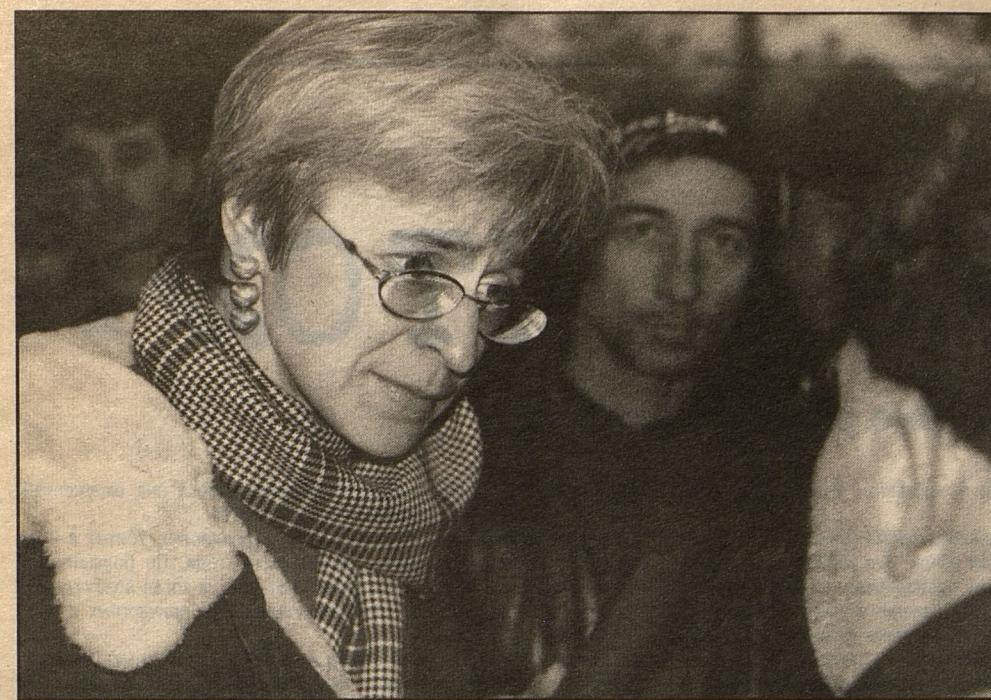
Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

Мы сидим в единственной крохотной комнате Исы, где только нары и печка, — семья очень бедная, и нет возможности толкать историю. Четырнадцатилетняя дочь Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В огромных се-рых глазах шупленького истощенного существа — такой взгляд, будто я медведь, пришедший есть.

«Новая газета»

Ваха знает ответ на вопрос, не полученный у пол-ковника. И рассказывает любопытнейшие истории о кратковременном пребывании в их селе Басаева с его бригадой. Как все жители тогда наделись, что Басае-ва наконец-то обязательно арестуют... Басаев был ис-тощен, как и все его бойцы. И надо было только захо-теть... Но войска, до того стоявшие плотным кольцом вокруг села, неожиданно отделились прочь — ровно на вре-мя пребывания в нем Басаева.

И он ушел. Хотите — верьте, хотите — нет... Но зато, как только бандиты ушли дальше в горы, военные стали хватать и подвергать истязаниям тех сельчан, ко-торые не имели никакого отношения к бандформирова-ниям, оставляя на свободе тех, кто действительно заме-шан в крови... В селе-то ведь все про всех знают.

Жена Исы объясняет:

— Она видит, что вы — не наша, той же масти, как те, которые при ней били отца. И увел его.

КАРТИНКА ПЯТАЯ. ПРОВЕРЕНО НА СЕБЕ

Прошло всего две минуты после того, как мы расстались с командиром 45-го десантного полка, и меня задержали.

Сначала больше часа велели стоять прямо посре-ди разрытого поля. Потом прикатили бронирован-ная машина с вооруженными бойцами и старшим лей-тенантом неизвестной военной этиологии. Схватили, пнули прикладами — повели. «Документы у тебя фальшивые, твой Ястржембский — прихвостень Басае-ва, а ты — боевика», — так было объявлено.

Дальше потянулись многочасовые допросы. Молодые офицеры, сменяя друг друга, не представляя и лишь вкрадчиво напоминая, что они из ФСБ и командир им только Путин, обурливали дело так, что свобода закончилась, звонить и ходить нельзя, вещи — на стол... Самые омерза-тельные детали допросов предпочитало опускать — ввиду их полного неприличия. Однако именно эти детали — па-чи, конечно, не могли этого и предположить — стали глав-ным подтверждением того, что все сообщенное ранее че-ченцами о мучениях и пытках — не ложь.

Периодически к рыкам молодым подполковал старшей — в чине подполковника, со смуглым лицом и темными туповатыми глазами наывкате. Время от вре-мени он отсылал молодых из палатки, включая музы-ку, которую считал лирической, и намекал на «благотворительный исход» мероприятия при некоторой сговор-чивости — уж пользуетесь не добавляя, в какой форме.

В перекурах между подполковником «молодые» издевались умело, надвигая на самые болезненные то-чки: рассматривали фотографии моих детей, не забыва-ли сказать, что бы с ними стоило сотворить... Так часа три кряду.

Наконец бывалый подполковник, периодически равнявший рубашку на груди (мол, кровь тут проливает), сказал, глянув на часы: «Пойдем. Буду тебя расстрели-вать». Вышел из палатки, и была уже полная темнота. Нич-его в этих местах. Прошли недолго, и подполковник эги в этих местах. Прошли недолго, и подполковник эги в этих местах. Прошли недолго, и подполковник эги в этих местах.

И скоро из тьмы показались ступеньки вниз. «Это боча. Разведывай». Поняв же, что эффекта никакого, очень расстроился, твердя, что «целый подполковник ко-тебе всей душой, а ты, гнида боевическая, еще...». И до-бавил: «Помнишь? Кто не спрятался, я не виноват... А?».

Эта, дружка, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конститу-ции. При «волевым» президенте — ее гаранте. При не вышерей Генпрокуратуре. Правозащитники: обще-ственных и официальных. Седом красным лорде, за-мучиваемые гоним из Страсбурга в Чечню и обрат-но... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «танцевальное» — кто не спрятался — я не вино-ват... И никто не посмеет сказать, что я этого не видела, не слышала, не осязала. Проверено на себе.

Эта, дружка, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конститу-ции. При «волевым» президенте — ее гаранте. При не вышерей Генпрокуратуре. Правозащитники: обще-ственных и официальных. Седом красным лорде, за-мучиваемые гоним из Страсбурга в Чечню и обрат-но... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «танцевальное» — кто не спрятался — я не вино-ват... И никто не посмеет сказать, что я этого не видела, не слышала, не осязала. Проверено на себе.

Эта, дружка, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конститу-ции. При «волевым» президенте — ее гаранте. При не вышерей Генпрокуратуре. Правозащитники: обще-ственных и официальных. Седом красным лорде, за-мучиваемые гоним из Страсбурга в Чечню и обрат-но... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «танцевальное» — кто не спрятался — я не вино-ват... И никто не посмеет сказать, что я этого не видела, не слышала, не осязала. Проверено на себе.

Эта, дружка, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конститу-ции. При «волевым» президенте — ее гаранте. При не вышерей Генпрокуратуре. Правозащитники: обще-ственных и официальных. Седом красным лорде, за-мучиваемые гоним из Страсбурга в Чечню и обрат-но... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «танцевальное» — кто не спрятался — я не вино-ват... И никто не посмеет сказать, что я этого не видела, не слышала, не осязала. Проверено на себе.

Эта, дружка, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конститу-ции. При «волевым» президенте — ее гаранте. При не вышерей Генпрокуратуре. Правозащитники: обще-ственных и официальных. Седом красным лорде, за-мучиваемые гоним из Страсбурга в Чечню и обрат-но... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «танцевальное» — кто не спрятался — я не вино-ват... И никто не посмеет сказать, что я этого не видела, не слышала, не осязала. Проверено на себе.

Эта, дружка, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конститу-ции. При «волевым» президенте — ее гаранте. При не вышерей Генпрокуратуре. Правозащитники: обще-ственных и официальных. Седом красным лорде, за-мучиваемые гоним из Страсбурга в Чечню и обрат-но... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «танцевальное» — кто не спрятался — я не вино-ват... И никто не посмеет сказать, что я этого не видела, не слышала, не осязала. Проверено на себе.

Эта, дружка, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конститу-ции. При «волевым» президенте — ее гаранте. При не вышерей Генпрокуратуре. Правозащитники: обще-ственных и официальных. Седом красным лорде, за-мучиваемые гоним из Страсбурга в Чечню и обрат-но... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «танцевальное» — кто не спрятался — я не вино-ват... И никто не посмеет сказать, что я этого не видела, не слышала, не осязала. Проверено на себе.

Эта, дружка, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конститу-ции. При «волевым» президенте — ее гаранте. При не вышерей Генпрокуратуре. Правозащитники: обще-ственных и официальных. Седом красным лорде, за-мучиваемые гоним из Страсбурга в Чечню и обрат-но... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «танцевальное» — кто не спрятался — я не вино-ват... И никто не посмеет сказать, что я этого не видела, не слышала, не осязала. Проверено на себе.

Эта, дружка, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конститу-ции. При «волевым» президенте — ее гаранте. При не вышерей Генпрокуратуре. Правозащитники: обще-ственных и официальных. Седом красным лорде, за-мучиваемые гоним из Страсбурга в Чечню и обрат-но... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «танцевальное» — кто не спрятался — я не вино-ват... И никто не посмеет сказать, что я этого не видела, не слышала, не осязала. Проверено на себе.

Эта, дружка, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конститу-ции. При «волевым» президенте — ее гаранте. При не вышерей Генпрокуратуре. Правозащитники: обще-ственных и официальных. Седом красным лорде, за-мучиваемые гоним из Страсбурга в Чечню и обрат-но... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «танцевальное» — кто не спрятался — я не вино-ват... И никто не посмеет сказать, что я этого не видела, не слышала, не осязала. Проверено на себе.

Эта, дружка, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конститу-ции. При «волевым» президенте — ее гаранте. При не вышерей Генпрокуратуре. Правозащитники: обще-ственных и официальных. Седом красным лорде, за-мучиваемые гоним из Страсбурга в Чечню и обрат-но... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «танцевальное» — кто не спрятался — я не вино-ват... И никто не посмеет сказать, что я этого не видела, не слышала, не осязала. Проверено на себе.

Эта, дружка, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конститу-ции. При «волевым» президенте — ее гаранте. При не вышерей Генпрокуратуре. Правозащитники: обще-ственных и официальных. Седом красным лорде, за-мучиваемые гоним из Страсбурга в Чечню и обрат-но... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «танцевальное» — кто не спрятался — я не вино-ват... И никто не посмеет сказать, что я этого не видела, не слышала, не осязала. Проверено на себе.

Эта, дружка, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конститу-ции. При «волевым» президенте — ее гаранте. При не вышерей Генпрокуратуре. Правозащитники: обще-ственных и официальных. Седом красным лорде, за-мучиваемые гоним из Страсбурга в Чечню и обрат-но... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «танцевальное» — кто не спрятался — я не вино-ват... И никто не посмеет сказать, что я этого не видела, не слышала, не осязала. Проверено на себе.

Эта, дружка, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конститу-ции. При «волевым» президенте — ее гаранте. При не вышерей Генпрокуратуре. Правозащитники: обще-ственных и официальных. Седом красным лорде, за-мучиваемые гоним из Страсбурга в Чечню и обрат-но... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «танцевальное» — кто не спрятался — я не вино-ват... И никто не посмеет сказать, что я этого не видела, не слышала, не осязала. Проверено на себе.

Эта, дружка, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конститу-ции. При «волевым» президенте — ее гаранте. При не вышерей Генпрокуратуре. Правозащитники: обще-ственных и официальных. Седом красным лорде, за-мучиваемые гоним из Страсбурга в Чечню и обрат-но... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «